Андрияйнен С. В. «Войска без знамен» : История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I / С. В. Андрияйнен // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 249—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271.

Andriainen, S. V. (2021). "Troops without Banners": History of 5th Infantry Corps of Russian Army during Reign of Nicholas I. *Nauchnyi dialog*, 8: 249-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271

**«Войска без знамен»:
История 5 пехотного
корпуса русской армии
в царствование Николая I**

Андрияйнен Станислав Вальтерович
orcid.org/0000-0003-0071-3599
кандидат исторических наук, доцент
andriainen2012@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**“Troops without Banners”:
History of 5th Infantry Corps
of Russian Army
during Reign of Nicholas I**

Stanislav V. Andriainen
orcid.org/0000-0003-0071-3599
PhD in History, Associate Professor
andriainen2012@yandex.ru

Saint Petersburg State
Economic University
(Saint Petersburg, Russia)

© Андрияйнен С. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы истории 5 пехотного корпуса Русской императорской армии в 1831—1853 годы. Новизна исследования состоит в том, что впервые был проведен комплексный анализ всей истории 5 корпуса, от момента его формирования до начала Крымской войны. Автор отмечает, что 5 корпус решал самый широкий круг задач. Поднимается вопрос о том, что 5 корпус выполнял задачи стратегического резерва Российской империи на южных границах. Анализируется роль подразделений корпуса в строительных работах в Крыму, участие в десанте на Боспор, боевые действия на Кавказе и в Трансильвании. Автор отмечает, что в начале 1830-х годов корпус имел сомнительную репутацию. В частности, пехотные полки пятого корпуса обвинялись в «польском духе» и трусости в сражениях русско-польской войны 1830—1831 годов. Подчеркивается, что репутация корпуса в глазах императора Николая I постепенно улучшалась. Автор утверждает, что в период с 1840-х годов 5 корпус уже был надежным армейским соединением в глазах императора. Автор заявляет, что привлечение корпуса с «дурной репутацией» к решению стратегических проблем демонстрирует ограниченные ресурсы Российской империи в 1830—1840-е годы.

Ключевые слова:

Российская империя; Николай I; армия России; Кавказская война; военные реформы; русско-польская война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the 5th Infantry Corps of the Russian Imperial Army in 1831—1853 is considered in the article. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a comprehensive analysis of the entire history of the 5th Corps, from the moment of its formation to the beginning of the Crimean War, was carried out. The author notes that the 5th corps solved the widest range of problems. The question is raised that the 5th corps carried out the tasks of the strategic reserve of the Russian Empire on the southern borders. The role of corps units in construction work in the Crimea, participation in the landing forces on the Bosphorus, military operations in the Caucasus and Transylvania are analyzed. The author notes that in the early 1830s the corps had a dubious reputation. In particular, the infantry regiments of the fifth corps were accused of “Polish spirit” and cowardice in the battles of the Russian-Polish war of 1830—1831. It is emphasized that the reputation of the corps in the eyes of Emperor Nicholas I was gradually improving. The author claims that since the 1840s, the 5th Corps was already a reliable army unit in the eyes of the emperor. The author argues that the involvement of the “bad reputation” corps in solving strategic problems demonstrates the limited resources of the Russian Empire in the 1830s and 1840s.

Key words:

Russian Empire; Nicholas I; the Russian army; Caucasian War; military reforms; Russian-Polish war.

«Войска без знамен» : История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I

© Андрияйнен С. В., 2021

1. Постановка проблемы

Военная политика Николая I относится к числу тем, по которым существует обширная научная литература. Имеются как обзорные работы, так и исследования, посвященные специальным сюжетам — военным реформам в России, отдельным военным кампаниям и личностям [Володина и др., 2020, с. 1022—1023]. Большое внимание царствованию Николая I традиционно уделялось в полковых историях, созданных во второй половине XIX века [Беловинский, 1988, с. 88].

В рамках этой предметной области есть и слабо изученные сюжеты. К их числу относится функционирование армейских соединений — дивизий и корпусов. Единственным заметным исключением является Отдельный Кавказский корпус, о котором написан ряд серьезных работ [Лапин, 2008; Нечитайлов, 2005].

Между тем пехотные и кавалерийские корпуса были высшими организационными единицами в армии Российской империи в тот период. Военный энциклопедический лексикон издания 1855 года содержал такое определение понятия «корпус»: это «...самостоятельное тактическое целое, находящаяся под особым, от одного верховного начальника или начальства армии зависящим управлением... которая... может во всякое время действовать самостоятельно, или в совокупности с другими частями войска» [Военный энциклопедический лексикон, 1855, с. 408].

В Российской империи к началу Крымской войны было 6 «номерных» пехотных корпусов (с номерами от 1 до 6) [Зайончковский, 2002, с. 398]. Вместе с Гвардейским и Гренадерским корпусами они составляли основу российской армии.

В рамках нашей статьи мы обратимся к исследованию истории 5-го пехотного корпуса Русской императорской армии в период 1830—1850-х годов. Верхняя хронологическая граница — 1853 год — определяется началом Восточной (Крымской) войны. В условиях крупномасштабного конфликта задачи 5 корпуса и его состав существенно изменились.

Поскольку нумерация соединений Русской армии в ту эпоху неоднократно менялась, сразу приведем необходимую справку:

— в 18171—1831 годах изучаемый нами корпус именовался Литовским;

- в 1831—1835 годах корпус носил номер 6;
- с 26 апреля 1835 года корпус получил наименование 5-й пехотный.

Также для ясности скажем, что основу корпуса составляли сначала две, а потом три пехотные дивизии, но их нумерация при этом изменялась. Сведения о переименованиях приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Изменение нумерации пехотных дивизий,
входивших в состав 5-го пехотного корпуса

Год	Пехотная дивизия 1	Пехотная дивизия 2	Пехотная дивизия 3
1817	27 пехотная дивизия	28 пехотная дивизия	Дивизии нет
1820	27 дивизия переименована в 24	28 дивизия переименована в 25	Дивизии нет
1831	24 пехотная дивизия	25 пехотная дивизия	Сформирована 26 пехотная дивизия
Август 1833	24 пехотная дивизия переименована в 16 пехотную дивизию	25 пехотная дивизия переименована в 17 пехотную дивизию	26 пехотная дивизия переименована в 18 пехотную дивизию
Апрель 1835	16 пехотная дивизия стала 13 пехотной дивизией	17 пехотная дивизия стала 14 пехотной дивизией	18 пехотная дивизия стала 15 пехотной дивизией

2. Начальный период истории 5-го корпуса

Пехотные полки 13 и 14 дивизий будущего 5-го корпуса были сформированы в начале XIX века, однако непосредственным «предком» 5-го пехотного корпуса стал Литовский корпус, который был учрежден в июле 1817 года императором Александром I.

Новый корпус был создан в первую очередь с политическими целями — в 1815 году в состав Российской империи, согласно решениям Венского конгресса, было включено Царство Польское на правах вассального государства со всеми атрибутами самостоятельного королевства, включая собственную польскую армию [Западные окраины ..., 2006, с. 83—84]. Вновь созданный Литовский корпус представлял собой промежуточное звено между русской императорской армией и польской армией. Рядовой состав корпуса должен был комплектоваться из уроженцев Западного края — бывших территорий Речи Посполитой, которые по разделам 1772 и 1793 годов были включены в состав Российской империи. Среди офицеров корпуса было много этнических поляков. Чтобы подчеркнуть особый статус полков корпуса, в их штат включались не только православные, но и католические священники [Павлюк, 1909, с. 119—121].

Часть польского общества воспринимала создание корпуса как первый шаг на пути к воссоединению Западного края и Польши [Kolaczowski, 1900, с. 41]

Процесс создания корпуса как крупного армейского соединения из трех родов войск занял несколько лет. В 1817 году в состав корпуса вошли две пехотные дивизии — 27 (Брестский, Белостокский, Литовский и Виленский пехотные полки, 47 и 48 егерские) и 28 (Волынский, Минский, Подольский, Житомирский пехотные полки, 49 и 50 егерские) [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 11об—12]. На протяжении 1817—1823 годов корпус интенсивно пополнялся новыми частями. В состав корпуса были последовательно включены следующие части:

1817 год — русский гвардейский отряд (Лейб-гвардии Литовский, Лейб-гвардии Волынский, Лейб-гвардии Уланский и Лейб-гвардии Подольский полки);

1817 год — 1 и 2 Литовские гренадерский и Несвижский карабинерный полки (с 1825 года 1 и 2 Литовские гренадерские полки стали Самогитским и Луцким гренадерскими);

1818 год — Литовская уланская дивизия (это была переименованная 2 уланская дивизия);

1823 год — Литовский саперный батальон;

1824 год — Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Уже в феврале 1831 года, на фоне русско-польской войны, император Николай I повелел из резервных батальонов 24 и 25 пехотных дивизий сформировать новую 26 пехотную дивизию. Эта дивизия имела стандартную структуру: две пехотные бригады и одна егерская — и включала в себя четыре пехотных полка — Прагский, Модлинский, Люблинский, Замосцкий, и 2 егерских — 51 и 52 [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 11об—12].

К 1830 году в состав корпуса входили до 45 тыс. чел. Корпус, по отзыву имперских историков конца XIX века, был очень разнородным. Если в надежности русских гвардейских полков и Литовской гренадерской бригады (где офицерами служили выходцы из России) сомневаться не приходилось, то пехотные полки Литовского корпуса сочувствовали полякам [Пузыревский, 1890, с. 34].

Такое двойственное положение вещей в полной мере дало себя знать после начала в ноябре 1830 года польского восстания против империи. Вся польская армия перешла на сторону восставших, а расположенный в Западном крае Литовский корпус формально сохранил верность присяге и первым из частей русской армии должен был на поле боя столкнуться с мятежниками.

Настроения в корпусе были противоречивыми. В сражении при Грохове 13 февраля 1831 года 6 корпус дрался в общем храбро и русские войска одержали победу. Но даже в ходе победоносного для русской армии

сражения из 1 батальона Литовского пехотного полка на сторону поляков перебежали сразу 74 нижних чина [Павлюк, 1909, с. 34].

18 марта 1831 года части 6 корпуса должны были выдержать сражение с поляками у Дембе-Вельке. Пехотные полки корпуса (гвардия и литовские гренадеры в сражении активно не участвовали) потерпели тяжелое поражение и вынуждены были отступить с позиции. Это, в свою очередь, сорвало русское наступление на Варшаву. 6 корпус понес у Дембе-Вельке серьезные потери — до 5,5 тыс. чел., 5 знамен и 10 орудий [Пузыревский, 1890, с. 146]. Особенно тяжелое впечатление на русское командование произвел тот факт, что большая часть личного состава Литовского пехотного полка, когда часть попала в окружение, сдалась в плен без серьезного сопротивления [Павлюк, 1909, с. 199].

Суровые испытания пришлось пережить и вновь сформированным полкам 26 пехотной дивизии. В бою 17 августа 1831 года у деревни Мендзержеце Волынский, Замосцкий и 47-егерский полки прикрывали отход всего корпуса, попали в окружение и понесли тяжелые потери. Из состава Замосцкого полка сумели прорваться только 167 человек нижних чинов без офицеров. Командир полка был ранен и взят в плен, все остальные штаб и обер-офицеры были убиты и ранены либо пленены [Беляев, 1894, с. 5; Пузыревский, 1890. с. 397—399].

Полки 6 корпуса продолжили сражаться в составе русской армии вплоть до победы над восставшими поляками осенью 1831 года, участвовали они и в штурме Варшавы 25—26 августа.

Формально на полках бывшего Литовского корпуса не было постановлено «позорное клеймо». По окончании войны отличившиеся солдаты и офицеры корпуса были удостоены наград. Но при этом у императора Николая осталось ощущение, что корпус ненадежен. В феврале 1837 года в беседе с командиром 5 корпуса генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым Николай настойчиво переспрашивал его: «Нет ли в полках польского духа?» [Павлюк, 1909, с. 293]. Император был уверен, что войскам корпуса есть что доказывать. В августе того же 1837 года во время новой встречи с императором Муравьев уточнил, что многие пехотные батальоны 5 корпуса не имели знамен, утраченных в 1831 году. В ответ на это император заявил, что когда надо будет отправлять подкрепления на Кавказ, то «пошлем эти батальоны, без знамен» [Павлюк, 1909, с. 298].

3. «Поход под Белого Арапа»: 6-й корпус спасает Османскую империю

По окончании польской войны части корпуса были размещены по квартирам в Новороссии и Бессарабии и занялись приведением себя в по-

рядок: корпус пополнялся нижними чинами и офицерами. Восстанавливались полковые хозяйства, сильно пострадавшие в период войны. В ходе военной реформы 1833 года полки 6 корпуса перешли на новые штаты.

Надо отметить, что на юго-западной границе империи (Бессарабия, Таврия, Херсонская губерния) 6 корпус был единственным крупным армейским соединением. Это было связано со стратегическими соображениями: крупнейшая группировка русской армии — Действующая армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича в составе 4 пехотных корпусов — стояла в Польше и Западном крае [Кривопапов, 2012, с. 88—89]. Следовательно, войск для размещения в Северном Причерноморье просто не хватало. Не менее важную роль при расквартировании войск играли экономические соображения. Несмотря на то, что регион Новороссии имел огромную стратегическую ценность для империи, в 1820-е годы он все еще оставался плохо освоенным. В 1823 году начальник штаба 2 армии генерал-майор П. Д. Киселев прямо заявлял, что только в Киевской и Подольской губерниях можно было бы прокормить войска за счет закупок провианта у местных жителей. В Херсонской, Екатеринославской губерниях, Бессарабии главным занятием местных жителей было скотоводство, поэтому необходимое для войск зерно надо было бы вести за сотни верст из Киева [Заболотский-Десятовский, 1882, с. 231; Wirtschafter, 1990, p. 178].

Поскольку других войск в регионе не было, то на вчерашние «нелояльные» части сразу же возлагались задания огромной стратегической важности.

В 1833 году острый кризис переживала Османская империя. В ходе войны с Египтом турецкие войска потерпели тяжелое поражение, победоносная армия правителя Египта Мухаммеда Али успешно продвигалась по Малой Азии. Возникла реальная угроза захвата Стамбула армией Египта. В этих условиях император Николай I принял решение помочь Османской империи. С этой целью он приказал Черноморскому флоту высадить десант на побережье Босфора. Обсуждение и подготовка начались в декабре 1832 года, 23 марта 1833 года первые суда десантного отряда появились возле азиатского берега Боспорского пролива. В состав десанта вошли пехотные подразделения 6 корпуса: 2 и 3 бригада 26 пехотной дивизии — 4 егерских полка, две легких артиллерийских роты. Также в отряд входила саперная рота и сотня донских казаков. Общая численность десанта составила к 11 апреля 242 офицера и 10 072 нижних чина [Муравьев, 1869, с. 279].

На случай расширения боевых действий планировалось перебросить часть русских войск по суше, через Болгарию. Для этого части 24 и 25 пехотных дивизий 6 корпуса были выдвинуты на территорию Дунайских княжеств (небольшой отряд русских войск размещался там еще с 1829 года).

Войска, высаженные на Боспоре, встретили теплый прием со стороны турецких властей. На протяжении апреля-мая русские войска деятельно готовились к военным действиям. Осматривались позиции, проводились учения, турецкие союзники поставляли лошадей для артиллерии и обозов. 15 апреля 1833 года в присутствии султана Османской империи Махмуда II состоялся совместный парад русского десантного отряда, моряков Черноморского флота и турецких подразделений [Муравьев, 1869, с. 306—307].

Цель десанта была достигнута в полной мере. Правитель Египта Мухаммед Али согласился на заключение мирного договора с турецким султаном. В свою очередь Россия и Османская империя подписали Ункяр-Искелесийский мирный договор, который ставил черноморские проливы во время войны под контроль России [Гребенщикова, 2007, с. 29—30]. 27 июня 1833 года весь русский отряд был посажен на суда Черноморской эскадры и отправился на родину [Муравьев, 1894, с. 498]. В солдатской памяти эта экспедиция осталась под названием «поход под белого арапа» [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, л. 78 об.].

Император Николай I решил, что войска 6 корпуса хорошо выполнили свою работу. В 1836—1837 годах, когда обсуждали проект нового десанта на помощь туркам, его основу должны были снова составить части 6 корпуса, к тому моменту уже переименованного в 5 [Муравьев, 1869, с. 85].

После того, как политический кризис в Османской империи в 1833 году разрешился, российские войска были выведены из Дунайских княжеств и пехотные части корпуса были вновь размещены в Бессарабии и Херсонской губернии [Павлюк, 1909, с. 254].

Уточнение о «пехотных частях» является принципиально важным. В апреле 1835 года были утверждены новые штаты нескольких пехотных корпусов российской армии. 6 корпус был переименован в 5. В его состав входили 3 пехотные дивизии с их артиллерийскими бригадами, а также 6 легкая кавалерийская дивизия (два уланских и два гусарских полка, конно-артиллерийская бригада) [ПСЗ-П, т. X, ч. 2, № 8088]. Однако конница 5 корпуса была размещена на постоянных квартирах в округах военных поселений в Херсонской губернии и на протяжении 1830-х годов мало взаимодействовала с другими частями своего корпуса [Високватов, 1852, с. 91—92].

4. «Каторжная работа»: 5-й корпус строит адмиралтейство в Севастополе

Для пехотных дивизий 5 корпуса покой продлился недолго. Уже в 1836 году пехотные подразделения 5 корпуса стали на регулярной основе отправлять на строительные работы в Крым. Эти работы были частью

больших проектов по укреплению западных границ империи и усилению флота, инициатором которых был сам император Николай I. В это время перестраивались и расширялись укрепления Новогоргиевска, Бобруйска, Брест-Литовска, Кронштадта [Яковлев, 1995, с. 106]. Громадные работы проводились в Крыму. Они включали в себя возведение адмиралтейства для Черноморского флота в Севастополе, а также строительство дорог в Крыму [Огородников, 1902, с. 111].

Всей своей тяжестью эти работы обрушились на пехотные полки 13 и 15 пехотных дивизий. 14 пехотная дивизия продолжала прикрывать границу в Бессарабии, а кавалерийская дивизия оставалась на квартирах в военных поселениях.

Работы были тяжелы для солдат по нескольким причинам: непривычный жаркий климат, недостаточное питание и плохое медицинское обслуживание солдат, очень тяжелые условия расквартирования войск.

Если первые два пункта не нуждаются в подробных комментариях, то относительно условий квартирования надо сказать следующее. Вплоть до начала 1840-х годов большая часть войск не могли оставаться в Крыму на зиму: для этого не было ни казарм, ни свободных квартир у обывателей (в рамках постоянной повинности).

В связи с этим войска 13 пехотной дивизии, назначенные на работы в Крым, каждую весну должны были выступать со своих квартир на Правобережной Украине и пешим маршем идти в Севастополь. Осенью марш повторялся в обратном направлении. Счастливы были те подразделения, которые осенью Черноморский флот мог перебросить из Севастополя прямо в Одессу. Но такая удача выпадала не всем и не каждый год.

В результате вымотанные во время летних работ полки вынуждены были проходить сотни верст до своих постоянных квартир. К примеру, Брестский пехотный полк в 1836 году выступил из Крыма 26 сентября, но прибыл на постоянные квартиры только 5 ноября 1836 [РГВИА, ф. 846, оп. 16, т. 3, д. 17451, л. 11 об.]. Схожими по протяженности были марши и других подразделений. В рамках постоянной повинности роты были разбросаны на десятки верст от полкового штаба по отдаленным селам, поэтому отдельные роты могли прибыть на свои квартиры и в начале декабря.

Проследим за тем, как распределялись силы 5 корпуса в следующем, 1837 году. 13 пехотная дивизия была задействована на работах в Севастополе в период с апреля по октябрь. 13 пехотных батальонов 15 дивизии также были заняты на работах в Севастополе, 1 батальон был задействован на строительстве шоссе на Южном Берегу Крыма, еще 2 батальона несли караульную службу в Феодосии, Евпатории, Еникале и Херсоне [РГВИА, ф. 846, оп. 16, т. 3, д. 17458, ч. 1, л. 130].

14 пехотная дивизия в 1837 году была расквартирована на квартирах от Одессы до Балты и Херсона, ее части привлекались к караульной службе и охране границы.

Тяжелые условия службы приводили к высокой смертности и заболеваемости личного состава. В 15 пехотной дивизии за сентябрь — декабрь 1839 года умерло 933 солдата и 34 бежали. Таким образом, дивизия потеряла целый батальон солдат. В 13 пехотной дивизии потери были ниже, но все равно крупными: 293 солдата умерли и 64 бежали. Такие тяжелые потери несли именно войска в Крыму. Для сравнения: за тот же период времени в полках 14 пехотной дивизии в Бессарабии насчитали всего 62 умерших и 52 бежавших [РГВИА, ф. 14085, оп. 1, д. 2, л. 3—5 об].

В 1837 году войска 5 пехотного корпуса пережили еще одно тяжелое испытание — императорский смотр. В эпоху правления Николая I такой смотр был серьезным испытанием для любой воинской части. Император Николай был истинным «поэтом» строевой подготовки, который замечал малейшие упущения. Для подразделений 5 корпуса подготовка к смотру осложнялась тремя обстоятельствами: (1) тяжелыми условиями квартирования и службы (войска были постоянно заняты на работах и в караулах, и им было некогда заниматься всерьез строевой подготовкой), (2) предвзятым отношением Николая к бывшим «польским» войскам и (3) подспудным конфликтом между императором Николаем и командиром корпуса генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым, который был талантливым военным, но очень независимым в суждениях человеком и позволял себе критиковать многие военные реформы императора [Зайончковский, 2002, с. 411].

При таких условиях не удивительно, что император во время смotra в Николаеве и Севастополе раскритиковал подразделения 5 корпуса. Н. Н. Муравьев был вынужден подать в отставку. Новым командиром корпуса стал генерал-лейтенант А. Н. Лидерс. «Наследство» новому командиру досталось сложное. Судьба частей 5 корпуса считалась незавидной. Опытный офицер Кавказского корпуса полковник Г. И. Филипсон отмечал, что сами солдаты считали свою работу «каторжной» и радовались отправке на Кавказ, где можно было «просто воевать» [Архив Раевских, 1910, с. 486].

А. Н. Лидерс деятельно принялся за наведение порядка в корпусе: принимались меры по снижению заболеваемости солдат, повышению качества строевой подготовки. Постепенно войска обживали Севастополь и Крымский полуостров. В 1840 году Белостокский полк впервые не ушел с полуострова, а остался на зиму на постоянных квартирах в Крыму [Николаев, 1907, с. 133]. Однако для 5 корпуса начиналась другая эпоха, которая надолго прервала мирную, хотя и тяжелую первоначально службу в Крыму.

5. «Горец смышлен и знает все стежки»: участие частей 5-го корпуса в Кавказской войне

В феврале — апреле 1840 года под натиском закубанских горцев пали 4 укрепления Черноморской береговой линии (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское, Николаевское) [Очерк положения ..., 1877, с. 30—31].

Командование Отдельного Кавказского корпуса должно было решать неотложную задачу: восстановить прорванную горцами береговую линию. Поскольку подразделений Кавказского корпуса для этого не хватало, было решено привлечь к экспедиции часть сил 5 пехотного корпуса.

В экспедицию в апреле 1840 года были отправлены основные силы 15 пехотной дивизии: 12 пехотных батальонов (по 3 от каждого из полков дивизии) [Очерк положения ..., 1877, с. 33].

10 мая 1840 года десантный отряд на кораблях Черноморского флота появился возле укрепления Вельяминовское в устье реки Туапсе. После этого были проведены высадки и у других разрушенных русских укреплений. Закубанские горцы благоразумно отказались от лобового столкновения с превосходящим по численности противником, однако части 15 дивизии серьезно пострадали от болезней — на восточном побережье Черного моря свирепствовала лихорадка. Дополнительные проблемы для солдат создавало и увлечение корпусного начальства строевой подготовкой. Даже в ходе экспедиции в частях 15 дивизии занимались одиночной строевой подготовкой солдат, не обращая внимания на сильную жару. Стремление начальника 15 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Г. Х. Гасфорда заниматься строевой подготовкой посреди военных действий немало удивляло офицеров Кавказского корпуса, поскольку в их войсках такого быть просто не могло [Архив Раевских, 1910, с. 506—508]. После того, как укрепления были восстановлены и в них были введены гарнизоны, в сентябре 1840 года войска 15 пехотной дивизии вернулись в Крым.

В 1841 году вовлечение частей 5 корпуса в Кавказскую войну продолжилось.

Во-первых, в сентябре-октябре 1841 года состоялась новая десантная экспедиция на Черноморское побережье. На этот раз в ней участвовали 4 батальона 13 пехотной дивизии по одному от каждого из полков и опытные кавказские ветераны из Тенгинского пехотного полка [Павлюк, 1909, с. 320]. Целью экспедиции было вторжение в земли убыхов. С упорными боями войска продвигались от мыса Адлер в сторону долины реки Сочи, участвовали в укреплении форта Навагинский.

Во-вторых, 14 пехотная дивизия была в полном составе переброшена на Кавказ и включена в состав Отдельного Кавказского корпуса. Эти части

были переброшены на Кавказскую линию и проводили боевые операции на Северном Кавказе вплоть до 1846 года [Гизетти, 1896, с. 109].

В-третьих, часть нижних чинов из частей 5 пехотного корпуса переводилась во вновь комплектовавшиеся Черноморские линейные батальоны [Гизетти, 1896, с. 141—142].

Несмотря на принимавшиеся русским командованием меры, Кавказская война принимала все большие масштабы. В период с 1840 по 1843 годы достигло пика своего могущества государство имама Шамиля, который вел упорную борьбу с русским правительством. Наличных сил Отдельного Кавказского корпуса для военных действий не хватало, и осенью 1843 года император повелел двинуть на Кавказ 5 пехотный корпус в составе 13 и 15 пехотных дивизий. При этом полки отправляли на Кавказ в составе 3 пехотных батальонов. 4-е батальоны оставались на постоянных квартирах, где они занимали караулы, готовили рекрутов.

Сама переброска частей 5 пехотного корпуса на Кавказ началась в январе 1844 года и представляла сложную задачу. Части 15 пехотной дивизии шли по северному берегу Черного моря через Мариуполь и Таганрог. При этом протяженность маршрута у Прагского пехотного полка составила 1356 верст, поход занял 85 дней [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 16—19]. Подразделения 13 пехотной дивизии шли южным маршрутом — через Керченский полуостров и Тамань.

По случаю переброски войск начальник 15 дивизии генерал-лейтенант Г. Х. Гасфорд издал воинственный приказ, в котором были такие строки: «Мы знаем, что горцы тогда только храбры, когда имеют дело с трусами. Горец, правда, смышлен и знает все стежки и закоулки в своих горах и лесах. Но русский не уступит ему в смышленности и знании местности. Мы скоро познакомимся. Нам горы и леса не ново» [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, л. 38].

В 1844 году войскам 5 пехотного корпуса не пришлось активно воевать. После того как части корпуса к апрелю 1844 года были переброшены в Центр Кавказской линии и на Левый фланг, на их долю выпало первоначально участие в нескольких экспедициях, строительстве передовых укреплений, рубке леса.

Однако в 1845 году 5 корпус поучаствовал в походе совершенно иного масштаба. Петербургские стратеги замыслили нанести решающее поражение Шамилю, а ради этого войска должны «утвердиться в центре владычества Шамиля». В качестве главной цели похода было заявлено овладение аулом Анди — столицей Шамиля [Обзор военных действий ..., 1846, с. 2].

Ряд генералов, знакомых с реалиями кавказских войн, выражали сомнения по поводу такого грандиозного плана. По их мнению, поход круп-

ных русских сил с большими обозами вглубь враждебной территории мог привести только к большим потерям и усилению боевого духа горцев. Используя свою излюбленную тактику, чеченцы могли пропустить русские отряды, сковать их постоянными атаками и постараться разгромить противника во время отхода [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 5]. Собственно говоря, так и получилось.

Несмотря на все эти сомнения, сам поход состоялся летом 1845 года. Во главе экспедиции встал сам командующий Кавказским корпусом генерал М. С. Воронцов. Отправлявшиеся под его началом войска были поделены на два отряда — Дагестанский и Чеченский. В обоих отрядах большую роль играли войска 5 корпуса. В составе Чеченского отряда было 12 батальонов пехоты. Из них 6 представляли 5 корпус (1 батальон от 13 дивизии и 5 от 15) [Обзор военных действий ..., 1846, с. 11].

Кроме того, в экспедиции участвовали взвод 14 артбригады и рота кавказских стрелков. В состав Дагестанского отряда входили 9 пехотных батальонов, из них 4 представляли полки 14 дивизии. В общем из 21 батальона пехоты — 10 выделил 5 корпус [Обзор военных действий ..., 1846, с. 14]. В поход отправлялись и чины штаба 5 корпуса. Генералу Лидерсу было поручено командование Чеченским отрядом.

В конце мая отряды начали выходить на свои маршруты. 3 июня у селения Гертме соединились главные силы: Чеченский и Дагестанский отряды. Общее начальство над ними принял сам наместник Кавказа генерал от инфантерии М. С. Воронцов. Войска с боями продвигались в горы. 5 июня часть русских сил под командованием генерал-майора Д. В. Пассека была выделена для занятия горы Анчимеер, что и было выполнено после боя. Также отрядом была занята гора Зунумеер. Прикрывая движение главных сил, Пассек со своим отрядом удерживал гору Зунумеер до 12 июня. При этом войска, занимавшие гору, серьезно пострадали: в горах шел снег, и солдаты в летнем обмундировании и без топлива сильно мерзли, несли большие потери обмороженными. В составе отряда Пассека все лишения переносили вместе с коренными кавказскими частями и представители 5 корпуса — литовцы, житомирцы, люблинцы. [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 271—273]. 14 июня войска Воронцова с боем заняли аул Анди, 6 июля была взята столица Шамиля — аул Дарго (ныне село в Веденском районе Чеченской республики).

При наступлении на Дарго особенно отличился 1 батальон Литовского полка. Как мы помним, он утратил свое знамя в 1831 году. Во искупление своей вины литовцы были поставлены в авангарде отряда, штурмовавшего укрепления перед Дарго, и с честью выдержали испытание. В ходе боя они последовательно взяли до 20 завалов на лесной дороге. Во главе 1 батальо-

на в три шеренги встали его офицеры и юнкера (вместе с добровольцами из штаба отряда) [Павлюк, 1909, с. 395].

На долю солдат 5 корпуса также выпало участие в самом трагическом эпизоде похода — так называемой сухарной экспедиции. Сводный отряд генерал-лейтенанта К. фон Клюгенау был 10 июля отправлен из Дарго для встречи с подошедшим из тыла отрядом. Необходимо было переправить в тыл раненых и забрать привезенное для войск Воронцова продовольствие. Этот поход обернулся катастрофой. Начальники русских войск — генерал Клюгенау, командовавший авангардом Пассек — распоряжались неудачно и неумело. Горцы сумели отрезать авангард Пассека от основной колонны и нанести обеим частям сильные потери. Та же сцена повторилась и 11 июля. Отряд Клюгенау получил продовольствие и начал отходить к Дарго, навстречу Воронцову. При этом отряд Клюгенау был вновь внезапно атакован, разрезан на части и понес огромные потери. Вместе с кавказскими полками тяжелый урон понесли также солдаты Литовского, Замосцкого и Люблинского полков, входившие в этот отряд. Большая часть продовольствия была отбита неприятелем [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 17—19].

После катастрофических итогов сухарной экспедиции у Воронцова не оставалось иных вариантов, как отступить обратно на Кавказскую линию. С 13 по 17 июля русские войска, обремененные огромным количеством раненых, страдая от нехватки продовольствия и боеприпасов, с огромным трудом прокладывали себе дорогу среди атакующих отрядов Шамиля.

Части 5 корпуса в общем справились с выпавшими на них испытаниями. Конечно же, не обошлось без критики со стороны офицеров кавказских войск. 5 корпус периодически обвиняли в недостатке выдержки под огнем, в нехватке дисциплины. Отчасти это можно объяснить обычным голодом. Менее опытные, чем кавказские войска, солдаты 5 корпуса хуже умели находить себе продовольствие «из местных запасов» и жестоко страдали. Это приводило к эксцессам. Кавказский ветеран полковник К. К. Бенкендорф в своих воспоминаниях о походе отмечал, что, доставив в лагерь Воронцова караван с продовольствием, он должен был защищать его от голодных солдат Житомирского полка [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 290].

Однако при этом подразделения 5 корпуса постоянно привлекались для решения частных боевых задач вместе с кавказскими полками.

К 17 июля русские войска оказались в тяжелейшем положении, раздавались даже голоса, предлагавшие бросить раненых и пробиваться налегке любой ценой. Но в последний момент окруженный отряд был спасен. Вечером 18 июля на соединение с Воронцовым с Кавказской линии пробился отряд генерала генерал-майора Р. К. Фрейтага. При этом в отряде Фрейтага треть сил

составляли солдаты 5 корпуса, это были подразделения 15 дивизии (прагцы, люблинцы и замосцы) [Обзор военных действий ..., 1846, с. 71—72].

После деблокады боевое напряжение спало и отряд Воронцова смог спокойно вернуться в русские укрепления. Итоги похода были катастрофическими. Санитарные потери соединенного отряда Воронцова за период с 14 июня по 20 июля составили, по официальным данным, 3321 чел. [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 321].

Российское общество, задетое такими большими потерями, стало искать причины неудач. И здесь, безусловно, некоторые наблюдатели стали обвинять полки 5 корпуса. Некоторые циркулировавшие в Москве слухи мы можем узнать из писем отставного Командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова. Несмотря на то, что с 1827 года Ермолов был в отставке, он продолжал внимательно следить за Кавказской войной. В письме генералу Н. Н. Муравьеву от 10 октября 1845 года Ермолов утверждал, что в Москве есть общее невыгодное мнение о полках 13 и 15 дивизий [Ермолов, 2014, с. 465]. В своем письме к М. С. Воронцову в феврале 1846 года Ермолов писал: «В Москве и теперь проскальзывают суждения, что весьма немногие батальоны 5 пехотного корпуса могут почитаться смелыми и что остальные не делают чести оружию нашему» [Ермолов, 2014, с. 477].

Сам Ермолов признавал исключительную сложность тех боевых задач, которые решали войска в Даргинской экспедиции. По его оценке, части 5 корпуса попали в сражения, «каковых и прежние (то есть старые кавказские полки. — С. А.) не испытывали» [Ермолов, 2014, с. 465]. Схожую оценку походу высказывал император Николай I. Уже после первых успехов (взятия горы Анцимер 5 июня 1845 года) император благодарил войска Кавказского и 5 корпусов в одном приказе: «Я их благодарю, что доказали, что они все те же кавказские герои, даром, что ряды пополняются молодыми, к доброму корню легко прививаться» [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 93].

Такую же оценку император публично высказал и по окончании похода. У нас есть объективное свидетельство на этот счет — количество и статус наград, которые были получены подразделениями регулярной армии за Даргинский поход. Щедрые награды получили как кавказские полки, так и подразделения 5 корпуса. Из 10 пехотных батальонов 5 корпуса Георгиевские знамена получили 8 (исключением стали 2 батальона Минского полка, которые несли в ходе похода гарнизонную службу). Из коренных Кавказских полков награды в виде георгиевских знамен получили 9 батальонов. Таким образом, мы видим принципиальное равенство в количестве наград, полученных войсками. Стоит также отметить, что Георгиевское знамя получил и 5 саперный батальон [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 210—211]. На протяжении всего Даргинского похода саперы предали

колоссальную работу. Они умело восстанавливали мосты, расчищали завалы. Периодически им приходилось браться за винтовки и отбиваться от наседающих горцев [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 181—182].

В 1846 году император отказался от проведения крупных наступательных операций на Кавказе, а потому присутствие там всего 5 корпуса было сочтено излишним. В 1846 году полки выступили на свои постоянные квартиры, но при этом состав частей был сильно изменен. Пехотные полки 5 корпуса стали «донорами» для создания 4 новых пехотных полков Кавказского корпуса. На базе 2 и 3 батальонов пехотных полков 5 корпуса были сформированы Самурский, Дагестанский, Ставропольский и Кубанский пехотные полки [Гизетти, 1896, с. 97—98] Взамен ушедших батальонов в составе частей 5 пехотного корпуса формировались новые.

6. «Подвиги наши... быстры и стремительны»: поход 5-го корпуса в Трансильванию в 1849 году

В 1846 году 5 корпус вернулся на свои постоянные квартиры в Таврическую и Херсонскую губернии. Однако вернулись они, уже пользуясь репутацией боевых и надежных частей. Об этом свидетельствовало поведение императора Николая. В 1847 году после смотра в Киеве частей 5 корпуса Николай особенно благодарил офицеров, участвовавших в Даргинской экспедиции [Даргинская трагедия ..., 2001, с. 519].

Спустя два года после возвращения с Кавказа на долю 5-го пехотного корпуса выпало новое ответственное задание. Начиная с января-февраля 1848 года по Европе стала распространяться полоса революционных выступлений. Летом 1848 года начались революционные движения в Молдавии и Валахии. Для прекращения революции в этих вассальных от Османской империи княжествах в сентябре 1848 года туда были введены русские и турецкие войска, которые быстро разогнали отряды революционеров. Со стороны России в княжество были введены части 15-й пехотной дивизии и другие подразделения (артиллерия, казаки) из состава 5-го корпуса.

Осенью 1848 года в Венгрии развернулось полномасштабное восстание против австрийского владычества. Войска венгерского правительства действовали также и на территории Трансильвании, то есть по соседству с Молдавией и Валахией. Поскольку своими силами австрийцы справиться с венгерскими войсками в Трансильвании не могли, на помощь им пришлось отправлять подразделения 5-го корпуса. При этом 5-й пехотный корпус получил самостоятельный театр военных действий. Главные силы империи — Действующая армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича — готовилась к походу в Венгрию, и потому 5 корпус действовал в Трансильвании самостоятельно.

В начале 1849 года император Николай I стремился действовать осторожно и не провоцировать европейские правительства. Только по просьбе австрийцев в январе 1849 года в Трансильванию был введен «ограниченный контингент» российских войск — в общей сложности 6,5 пехотных батальонов с артиллерией и казаками из состава 5-го пехотного корпуса [Дараган, 1859, с. 10—11].

Такие силы не могли действовать самостоятельно и выступали только в качестве подкрепления для австрийцев. Боевые действия в Трансильвании велись австрийцами неудачно. Несмотря на то, что собственно русские войска не потерпели поражений, после отступления австрийцев в начале марта 1849 года русские отряды вышли из Трансильвании обратно в Валахию [Дараган, 1859, с. 24—26].

Начиная с мая 1849 года части 5-го пехотного корпуса стали готовиться к полномасштабному походу в Трансильванию, который и начался 5 июня, одновременно с походом Паскевича в Венгрию.

В поход выступила часть сил 5-го пехотного корпуса. 13-я пехотная дивизия была оставлена охранять порядок в Молдавии и Валахии. В Трансильванию пошла 15-я пехотная дивизия в полном составе, три полка 14-й пехотной дивизии, сформированный в 1843 году 5-й стрелковый батальон, 5-й саперный батальон, девять артиллерийских батарей, бригада улан (два полка) и три полка казаков [Дараган, 1859, с. 39]. Отметим, что в Трансильванском походе впервые 5-й пехотный корпус действовал в составе всех трех родов войск, включая армейскую конницу.

С севера, навстречу Лидерсу, должны был действовать другой русский отряд под командованием генерал-лейтенанта М. М. Гротенгельма из состава 4-го корпуса русской армии и приданные ему австрийские части.

Силы венгров и русских были примерно равны по численности. В составе войск генерал Бема насчитывалось, по данным разведки, до 50 тыс. чел, столько же насчитывали соединенные силы Лидерса, Гротенгельма и австрийских союзников [Дараган, 1859, с. 29, 41].

Однако русские войска значительно превосходили венгров по уровню боевой подготовки. В открытых боях русские войска постоянно имели успех. 7 июня Лидер сбил авангард Бема у монастыря Предрял, 8 июня венгры потерпели поражение в бою у Темешского ущелья. Поскольку русские отряды планомерно занимали территорию Трансильвании, генерал Бем решил предпринять рейд в Молдавию, чтобы остановить русское наступление и поднять на борьбу население дунайских княжеств. Однако наступление Бема было остановлено у Ойтузского перевала небольшим отрядом — первоначально одним первым батальоном Литовского пехотного полка, который выдержал нападение превосходящих сил противника до подхода подкреплений [Павлюк, 1909, с. 462—465].

Несмотря на превосходство русской армии, генерал Бем не оставлял надежд переломить ход неудачно складывавшейся кампании. Критическим моментом для русской армии стало 24 июля. Пока главные силы генерала Лидерса наступали на север, Бем неожиданно обрушился на слабый отряд генерал-лейтенанта Гасфорда, занимавший город Германштадт (в современной Румынии он именуется Сибиу) — тыловую базу русских. Несмотря на неравенство в силах, Гасфорду надо было принимать бой. Неприятель подошел уже слишком близко, чтобы можно было просто отступить, надо было прикрыть огромные русские обозы и госпиталь, которые эвакуировали из Германштадта. С другой стороны, Лидерс двинулся форсированным маршем на Германштадт, надеясь уничтожить армию Бема.

В результате на протяжении 24 июля русским войскам пришлось медленно с тяжелым боем отходить. Житомирцы, модлинцы и прагцы мужественно отбивали атаки венгров, понесли при этом существенные по меркам кампании потери — до 350 человек [Дараган, 1859, с. 188].

25 июля роли переменились. Теперь уже подроспевшие части Лидерса обрушились на генерала Бема и нанесли ему тяжелое поражение. Решающую роль в поражении венгерской армии сыграли атаки русских улан и донских казаков при поддержке конной артиллерии. Противник потерял до 2 тыс. чел., урон русской армии составили 12 человек убитыми и 47 ранеными [Дараган, 1859, с. 202].

31 июля 1849 года последние остатки венгерской армии были разбиты в бою при Мюленбахе быстрой атакой русской конницы. Император остался доволен действиями 5-го корпуса. Всем участвовавшим в нем военным было выражено монаршее благоволение с занесением «в формулярные всех чинов списки». Отличившиеся батальоны получили коллективные награды. Генерал Лидерс по итогам похода издал приказ по 5-му корпусу, в котором торжественно объявлял: «Подвиги наши были так быстры и стремительны, что неприятель не смог причинить нам большого вреда» [Беляев, 1894, с. 59—60].

Вплоть до 1851 года части 5 корпуса продолжали занимать Молдавию и Валахию, а потом вернулись в Россию. Летом 1853 года, готовясь к новой войне Османами, части 5-го корпуса снова заняли Дунайские княжества. Однако участие частей корпуса в Восточной (Крымской) войне — это уже отдельная история.

7. Заключение

В структуре российской императорской армии Николая I 5-й корпус занимал особое место. Это связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, пехотные полки 5-го корпуса унаследовали дурную славу подразделений Литовского корпуса. Их обвиняли в «польском духе» и трусости в сражениях русско-польской войны 1830—1831 годов. К концу 1840-х годов корпус сумел избавиться от подобной репутации, получив статус одного из надежных соединений императорской армии.

Во-вторых, части корпуса были размещены в стратегически важном регионе Российской империи — Новороссии. На протяжении всего николаевского царствования 5-й корпус был единственным соединением регулярной армии на огромной территории — от границы с Османской империей на западе до Области Войска Донского на востоке. В связи с этим на пехотные полки корпуса легла огромная и разнообразная нагрузка. Подразделения корпуса охраняли границу с Молдавским княжеством, строили крепостные сооружения и дороги в Крыму. В силу непривычного климата и тяжелых условий службы это приводило к огромным потерям личного состава. Кроме того, корпус периодически привлекался к морским десантным операциям: в 1833 году в Османскую империю и в 1840 году на восточное побережье Черного моря. После того, как на территории Восточного Кавказа достигло своего пика восстание имама Шамиля, на пополнение Кавказского корпуса был вновь брошен 5-й пехотный корпус. В 1848—1849 годах корпус вновь решал самостоятельную и важную задачу — усмирение венгерских революционных отрядов в Трансильвании. Таким образом, корпус играл в русской армии роль стратегического резерва, который должен был находиться в распоряжении главного командования и перебрасываться на максимально угрожаемые направления.

Служба 5-го корпуса отражает важную особенность российской армии второй трети XIX века. Руководству Российской империи не хватало воинских соединений. Из шести пехотных корпусов четыре входили в состав Действующей армии и не могли быть убраны с западной границы, а 6-й корпус предназначался для подготовки пополнений и караулов во внутренних губерниях. Гренадерский же корпус и гвардия располагались далеко на севере и не могли быть быстро переброшены на юг. Таким образом, вчерашние «неблагонадежные» части должны были решать задачи стратегической важности.

Кроме того, интенсивное использование войск 5-го корпуса обнажает еще одну проблему Российской империи: ее новороссийские территории в 1830-е годы были плохо освоены, и потому больше войск там император разместить попросту не мог.

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗ-II — *О переименовании 4, 5 и 6 Пехотных Корпусов* : закон от 26 апреля 1835 г. № 8088 // Полное собрание законов Российской империи : собрание второе

(1825—1881) : в 55 т. Т. X. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830—1916. — С. 371.

2. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 14085 (Приказы по 5 пехотному корпусу). Оп. 1. Д. 2 ; Ф. 2672. (Штаб 58 пехотного Прагского полка). Оп. 2. Д. 4 ; Ф. 846. (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 3. Д. 17451 ; Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 3. Д. 17458. Ч. 1.

3. *Архив Раевских* : в 5 т. Т. 3 / изд. П. М. Раевского. — Санкт-Петербург : тип. М. А. Александрова, 1910. — 718 с.

4. *Военный энциклопедический лексикон* : в 14 т. Т. VII. — Санкт-Петербург : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1855. — 711 с.

5. *Ермолов А. П.* Кавказские письма. 1816—1860 / А. П. Ермолов. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2014. — 832 с.

6. *Даргинская трагедия*. 1845 год / сост. и подг. текстов Г. Г. Лисицыной. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2001. — 612 с.

7. *Муравьев Н. Н.* Из записок Н. Н. Муравьева-Карского / Н. Н. Муравьев // Русский архив : историко-литературный сборник, издаваемый при Чертковской библиотеке. — Москва : Университетская типография (Катков и К°), 1894. — Т. 3. — С. 363—428, 467—555.

8. *Муравьев Н. Н.* Русские на Боспоре. Из записок Н. Н. Муравьева (Карского) / Н. Н. Муравьев. — Москва, 1869. — 572 с.

9. *Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году* : составлено при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. — Тифлис : тип. Штаба Отд. кавк. корпуса, 1846. — 113 с.

10. *Kolaczowski K.* Wspomnienia generała Klemensa Kołaczowskiego / K. Kolaczowski. — Krakow, 1900. — 140 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беловинский Л. В.* История полков русской армии / Л. В. Беловинский // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 12. — С. 88—90.

2. *Беляев Н. А.* Боевые подвиги 60-го пехотного Замосцкого полка. 1831—1894 / Н. А. Беляев. — Херсон, 1894. — 96 с.

3. *Висковатов А. В.* Хроника Российской Императорской армии : в 7 т. Ч. V / А. В. Висковатов. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1852. — 533 с.

4. *Володина Т. А., Подрезов К. А., Тарунтаева Т. А.* Российская армия как феномен империи : анализ историографии / Т. А. Володина, К. А. Подрезов, Т. А. Тарунтаева // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2020. — № 57 (3). — С. 1011—1024. Bylye gody. 2020. 57(3) Russian historical journal. Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography.

5. *Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск / А. Л. Гизетти. — Тифлис, 1896. — 598 с.

6. *Гребеникова Г. А.* Андреевский флаг над древним Босфором / Г. А. Гребеникова // Гангут. — 2007. — № 43. — С. 3—31.

7. *Дараган М. И.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 году / М. И. Дараган. — Санкт-Петербург, 1859. — 278 с.

8. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время : материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II / А. П. Заблоцкий-Десятовский. — Санкт-Петербург, 1882. — 422 с.

9. Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 г. : в 2 т. Т. 1 / А. М. Зайончковский. — Санкт-Петербург : Полигон, 2002. — 928 с.
10. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с.
11. Кривопалов А. А. Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И. Ф. Паскевича в середине 1840-х годов / А. А. Кривопалов // Российская история. — 2012. — № 4. — С. 88—100.
12. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне / В. В. Лапин. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 2008. — 400 с.
13. Нечитайлов М. В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817—1864 гг.): материальный аспект : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / М. В. Нечитайлов. — Ставрополь, 2005. — 24 с.
14. Николаев Е. П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807—1907 гг. / Е. П. Николаев. — Санкт-Петербург, 1907. — 608 с.
15. Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802—1902 гг.) / С. Ф. Огородников. — Санкт-Петербург, 1902. — 263 с.
16. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. — 1877. — Вып. 3. — С. 1—74.
17. Павлюк К. К. История 51-го Пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка : 1809—1909 гг. : в 2 т. Т. 1 / К. К. Павлюк. — Одесса : типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1909. — 490 с.
18. Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. : в 2 т. Т. 1 / А. К. Пузыревский. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1890. — 440 с.
19. Федоров В. А. Декабристы и их время / В. А. Федоров. — Москва : Изд-во Московского университета, 1992. — 272 с.
20. Яковлев В. В. История крепостей / В. В. Яковлев. — Москва : Полигон, 1995. — 312 с.
21. Wirtschafter E. K. From serf to Russian soldier / E. K. Wirtschafter. — Princeton (N.J.) : Princeton univ. press, 1990. — 214 p.

MATERIAL RESOURCES

- Ermolov, A. P. (2014). *Caucasian letters. 1816—1860*. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 832 p. (In Russ.).
- Kolaczowski, K. (1900). *Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczowskiego*. Krakow. 140 p.
- Lisitsynoy, G. G. (ed.). (2001). *Dargin tragedy. 1845 year*. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 612 p. (In Russ.).
- Military encyclopedic lexicon*. (1855). St. Petersburg: Tip. shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy. 14/7. 711 p. (In Russ.).
- Muravyev, N. N. (1869). *Russians in the Bosporus. From the notes of N. N. Muravyev (Karsky)*. Moscow. 572 p. (In Russ.).
- Muravyev, N. N. (1894). From the notes of N. N. Muravyev-Karsky. In: *Russian archive: a historical and literary collection published at the Chertkovskaya library*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°). 3: 363—428, 467—555. (In Russ.).

Overview of military operations in the Caucasus in 1845: compiled by the General Staff of the Separate Caucasian Corps. (1846). Tiflis: tip. Shtaba Otd. kavk. korpusa. 113 p. (In Russ.).

PSZ-II — Renaming the 4th, 5th and 6th Infantry Corps: Act of April 26th 1835. No. 8088. (1830—1916). In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: second collection (1825—1881)*. St. Petersburg: Tip. 2-go Otdeleniyaniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. 55/10 (1): 371. (In Russ.).

Raevskiy, P. M. (ed.). (1910). *Raevsky Archive*. St. Petersburg: tip. M. A. Aleksandrova. 5/3. 718 p. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).

REFERENCES

Belovinskiy, L. V. (1988). History of the regiments of the Russian Army. *Military history journal*, 12: 88—90. (In Russ.).

Belyaev, N. A. (1894). *Military exploits of the 60th infantry regiment of Zamosc. 1831—1894*. Kherson. 96 p. (In Russ.).

Berezhnaya, L. A. (et al.) (ed.). (2006). *Western outskirts of the Russian Empire*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p. (In Russ.).

Daragan, M. I. (1859). *Notes on the War in Transylvania in 1849*. St. Petersburg. 278 p. (In Russ.).

Fedorov, V. A. (1992). *Dekabrists and their time*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 272 p. (In Russ.).

Gizetti, A. L. (1896). *Chronicle of the Caucasian troops*. Tiflis. 598 p. (In Russ.).

Grebenshchikova, G. A. (2007). St. Andrew's flag over the ancient Bosphorus. *Gangut*, 43: 3—31. (In Russ.).

Krivopalov, A. A. (2012). The Kingdom of Poland in the strategic views of Field Marshal I. F. Paskevich in the mid-1840s. *Russian History*, 4: 88—100. (In Russ.).

Lapin, V. V. (2008). *Russian Army in the Caucasian War*. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 400 p. (In Russ.).

Nechitaylov, M. V. (2005). *Military everyday life of soldiers and officers of the Caucasian corps (1817—1864): the material aspect. Author's abstract of PhD Diss.* Stavropol. 24 p. (In Russ.).

Nikolaev, E. P. (1907). *History of the 50th Infantry of Bialystok His Highness Duke of Saxe-Altenburg Regiment 1807—1907*. St. Petersburg. 608 p. (In Russ.).

Ogorodnikov, S. F. (1902). *Historical overview of the development and activities of the Maritime Ministry over a hundred years of its existence (1802—1902)*. St. Petersburg. 263 p. (In Russ.).

Outline of the state of military affairs in the Caucasus from the beginning of 1838 to the end of 1842. (1877). In: *Caucasian collection*. 3: 1—74. (In Russ.).

Pavlyuk, K. K. (1909). *History of the 51st Lithuanian Infantry His Imperial Highness Heir to the Tsarevich Regiment: 1809—1909*. Odessa. 2/1. 490 p. (In Russ.).

Puzyrevskiy, A. K. (1890). *Polish-Russian War of 1831*. St. Petersburg: Voen. tip. 440 p. (In Russ.).

Viskovatov, A. V. (1852). *Chronicle of the Russian Imperial Army*. St. Petersburg: Voen. tip. 7/5. 533 p. (In Russ.).

Volodina, T. A., Podrezov, K. A., Taruntaeva, T. A. (2020). Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography. *Bylye gody*, 57 (3): 1011—1024. (In Russ.).

- Wirtschafter, E. K. (1990). *From serf to Russian soldier*. Princeton (N.J.): Princeton univ. press. 214 p.
- Zablotskiy-Desyatovskiy, A. P. (1882). *Count P. D. Kiselev and his time: materials for the history of the emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander I*. St. Petersburg. 422 p. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, A. M. (2002). *Eastern war 1853—1856 g*. St. Petersburg: Poligon. 2/1. 928 p. (In Russ.).
- Yakovlev, V. V. (1995). *Fortress history*. Moscow: Poligon. 312 p. (In Russ.).